

с тов. Сталиным? Откуда Вы знали о пребывании тов. Сталина на фронте?». Нетрудно заметить как бы утвердительную форму вопроса. В предшествующей части беседы вождь не упоминался. Остаётся гадать, сама ли Логинова верила в его поездку или же так готовилась почва для легитимации легенды. Борисов, несомненно, верил: «Вы знаете, что шила в мешке не утаишь. Он был в стенах Сталинграда, в этих же окопах, в этих же развалинах. Конечно, в авиацию он не мог попасть, так как авиация далеко стоит. Моральный дух нужно было поднять. Он был там до приказа». Речь шла о приказе № 227 («Ни шагу назад!») (с. 230).

В стенограммах можно найти ещё множество сведений как по истории планирования и проведения военных операций, так и по истории «повседневной» жизни на войне. Беру слово «повседневная» в кавычки, ибо к жизни рядом со смертью такое определение не очень подходит. Правда, и смерть становится привычной. Сержант Алексеенко в ночь с 21 на 22 июля 1943 г. разливал водку своим бойцам («а это главное перед наступлением», пояснил он сотруднику Комиссии). Когда налил четвёртому, тот «только поднял чарку: “Ну, господи, благослови”, как грянул снаряд, ему весь затылок вырвало». Самому сержанту осколок попал в локтевой сустав на правой руке, и он выронил бутылку из рук. «Ох, — говорю, — ничего руки не жалко, литр водки жалко» (с. 124). Это и есть военная «повседневность», когда внезапная смерть товарища или ранение — обыденность, и вспоминаются в связи с потерей «ценного ресурса».

На мой взгляд, стенограммы бесед заслуживают оцифровки и размещения в качестве общедоступной базы на сайте ИРИ РАН. Это не исключает публикации отдельных комплексов в книжном формате, в соответствии с академическими стандартами. Такую работу можно уподобить огранке алмаза, которым, несомненно, является этот уникальный источник.

Елена Сениявская: Кое-что об «устной истории»: размышления над сборником документов

*Elena Senyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
Something about «oral history»: reflections on a collection of documents*

DOI: 10.31857/S086956870015473-1

На закате СССР и особенно в начале постсоветского периода в отечественной исторической науке уверенно заявило о себе и стало быстро набирать популярность направление «устной истории», уже известное в западной историографии как «oral history». При этом в массовое сознание активно внедрялось представление, что именно зарубежные исследователи — первооткрыватели и первопроходцы на благородном поприще записи и сохранения для потомков «голосов прошлого», показывающих роль и место «маленьких людей в большой истории». Известные ещё с 1970-х гг. пронзительные книги советских писателей и публицистов (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник «Я из огненной деревни» (1973); А.М. Адамович, Д.А. Гранин «Блокадная книга» (1977); С.А. Алексиевич «У войны — не женское лицо» (1984) и «Последние свидетели» (1985), и др.), основанные на записи свидетельств участников и современников Великой Отечественной войны, признавались лишь робкой попыткой решить проблему «литературно-художественными методами», т.е. достойной уважения, но далёкой от исторической науки.

Между тем многие писатели, принадлежавшие к «фронтовому поколению» и писавшие на близкую им военную тему, подходили к творчеству не только с художественной, но и с исследовательской точки зрения. Например, К.М. Симонов утверждал: «Для того чтобы выработать какой-то взгляд на войну, надо её знать. Для того чтобы сказать о ней правду, надо знать взгляды разных людей, которые участвовали в её событиях. Мы ещё имеем эту возможность. Если мы потеряем её, если эти люди уйдут, то мы будем иметь дело только с документами, и наши поиски приобретут иной характер... Мы окажемся тем ближе к правде, чем больше будем разговаривать с людьми, которые участвовали в войне, докапываясь до их индивидуальной правды, точки зрения на войну, то есть до собственного рассказа человека о том, что он видел, чувствовал, переживал, как он смотрел на вещи, как он считал тогда, — это особенно важно постараться восстановить — как он считал *тогда!*.. Мне кажется, что нужно как можно больше знать о войне и искать правду на скрещении разных точек зрения»⁵¹. Не случайно, проанализировав книгу Симонова «Разные дни войны», специалисты сделали вывод, что он «постиг методику исторического исследования и внёс существенный вклад в изучение истории минувшей войны»⁵². Да и сам он, по собственному признанию, чувствовал себя не только лишь писателем, «а может быть, немножко и историком войны»⁵³. Особое значение писатель придавал «устным мемуарам», которых «собрал целую библиотеку», и готовился передать их на хранение в государственный архив, «чтобы это стало тоже малой частицей истории войны»⁵⁴.

Работая над записью воспоминаний-интервью для документального фильма «Шёл солдат...» (1975) и телевизионного цикла «Солдатские мемуары» (1976—1977) о полных кавалерах ордена Славы и ведя активную переписку с читателями и зрителями-фронтовиками, Симонов в 1978 г. обратился в Археографическую комиссию АН СССР с идеей создания специального архива писем и воспоминаний участников Великой Отечественной войны⁵⁵. Однако инициатива писателя, горячо поддержанная историками, не встретила одобрения ни в Главном политическом управлении Советской армии, ни в ЦК КПСС⁵⁶. Вместе с тем аналитическая записка с рекомендациями по организации и деятельности Архива народного подвига, составленная в ответ на обращение Симонова старшим научным сотрудником Археографической комиссии А.А. Курносовым, базировалась на уже имеющемся опыте работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. АН СССР, материалы которой хранились в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР (ныне Научный архив Института российской истории РАН).

Созданная в декабре 1941 г. и просуществовавшая до декабря 1945 г.⁵⁷, Комиссия стала первым коллективом профессиональных историков, деятель-

⁵¹ Симонов К.М. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301.

⁵² Биск К.М. Симонов как автор воспоминаний о Великой Отечественной войне // История СССР. 1985. № 3. С. 131—142.

⁵³ Волкова Н.Б. Материалы Великой Отечественной войны в фонде К.М. Симонова в ЦГАЛИ СССР // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 183.

⁵⁴ Симонов К.М. Солдатские мемуары... С. 302.

⁵⁵ Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об Архиве участников Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 445—450.

⁵⁶ См.: Выступление О.В. Турбиной о документах из фонда К.М. Симонова на конференции, посвящённой битве за Москву [Москва, 20 декабря 2001 г.] // Археографический ежегодник за 2001 год. С. 313.

⁵⁷ Вклад учёных-историков... С. 50—61.

ность которых, согласно определению «устной истории», явилась «практической научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами»⁵⁸. Её приоритетной задачей стало составление «летописи Отечественной войны», в том числе запись бесед с участниками боевых действий на фронте и в партизанских отрядах, а также с жителями территорий, освобождённых от оккупации. Тем самым признавалась важность такого рода источников для исторической науки, накапливался соответствующий опыт и разрабатывалась методика исторического интервьюирования. Вот только название «устная история» к этому виду источников тогда не применялось, а в ранних источниковедческих исследованиях⁵⁹ они именовались «воспоминаниями-интервью» (что, конечно, не меняло самой сути этого явления). Для сравнения — первый центр устной истории открылся в США в 1948 г. при Колумбийском университете, в 1967 г. создана Ассоциация устной истории США, в 1969 г. аналогичная организация появилась в Великобритании. А в СССР — активная работа в самый разгар Второй мировой войны...

Однако послевоенная судьба собранного Комиссией уникального архива, особенно в части публикации стенограмм, оказалась довольно сложной. На протяжении многих десятилетий исследователи обращались к нему лишь эпизодически. И только в 2013—2015 гг. вышло несколько сборников документов на основе материалов, посвящённых Сталинградской битве⁶⁰ и лётчикам-покрышкинцам⁶¹, а также ряд документальных публикаций в журналах и сборниках⁶².

И вот в 2020 г., к 75-летию юбилею Победы, вышел сборник, состоящий из стенограмм бесед с военнослужащими, освобождавшими Крым и Севастополь в ходе Крымской наступательной операции весной 1944 г., которую противник называл «вторым Сталинградом». В чём уникальность этого издания? Как пишут сами составители сборника, «стенограммы не только дают “человеческое измерение” войны, но и позволяют, взятые в комплексе, взглянуть на одну и ту же боевую операцию разными глазами и с разных сторон. Поскольку из солдатского окопа и из штабного блиндажа бой выглядел по-разному, так же как отличались описания своей боевой работы, например, у сапёров и артиллеристов, публикуемые источники позволяют вплотную подойти к разностороннему и полифоничному показу боя» (с. 16).

В этой связи хочу вновь обратиться к мнению Симонова: «Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая,

⁵⁸ *Шмидт С.О.* Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения, посвящённые памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января — 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 262.

⁵⁹ *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью... С. 118—132; *Васневская Е.В.* Воспоминания-интервью о битве под Москвой // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 272—277.

⁶⁰ Сталинградская битва...

⁶¹ *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы...

⁶² Стенограммы бесед с жителями Харькова об оккупации // Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2013. С. 112—348; *Лотарева Д.Д., Тихонов В.В.* Собеседник Рокоссовского. Скульптор Николай Гаврилов на фронте под Москвой (зима—весна 1942 года) // Родина. 2014. № 12. С. 27—30; *Федосова Э.П.* «Привезённый материал может служить для написания истории...» // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. Приложение. С. 173—176; «В период преследования противника от Москвы дело шло у нас особенно успешно»: стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о генерал-майоре Л.М. Доваторе / Публ. В.В. Тихонова // Исторический архив. 2015. № 2. С. 48—61.

даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нём... различные задачи. Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою. Артиллерист должен поддерживать пехоту; пехоте кажется, что он её плохо поддерживает, а ему кажется, что она плохо идёт. Танкисты говорят, что пехота не пошла за танками; а пехотинцы говорят, что танки от неё оторвались. А истина боя где-то на скрещении всех этих точек зрения». И ещё: «Формулировку “солдатская правда” я понимаю только в одном смысле: это не какая-то отдельная, особая правда рядового солдата, а солдатская, в смысле того, что это прямая, подлинная солдатская правда. Если генерал будет говорить с солдатской правдивостью, это и будет солдатская правда... Для меня... солдатская правда — это самая высокая правда»⁶³.

Именно такая правда открывается перед читателем на страницах рассматриваемого документального сборника, который действительно «даёт современнику уникальную возможность услышать “живые голоса” фронтовиков, уловить их эмоциональное состояние, сопереживать вместе с ними радость побед и горечь утрат». В особенности это касается бесед, записанных не какое-то время спустя, а по горячим следам событий, когда в памяти сохранялась свежесть впечатлений и связанные с ними переживания. «Как правило, рассказы о недавних боях носили особенно детальный и обстоятельный, и при этом эмоциональный характер, — справедливо отмечают составители сборника. — В них отразились особенности восприятия современниками военной повседневности в зависимости от их военной специальности, звания и должности, уровня образования, жизненного опыта, пола, возраста и др. По этой причине данные источники крайне важны для изучения психологии человека на войне в широком смысле слова. Одновременно публикуемые нами стенограммы бесед — это своего рода коллективный портрет Победителя нацизма с большой буквы, из биографии которого прослеживаются истоки героизма и самопожертвования» (с. 12).

Хочу выразить надежду, что публикация стенограмм из фонда Комиссии продолжится, и соотечественники смогут в очередной раз убедиться в том, что многие научные открытия и великие начинания, подхваченные на Западе, впервые были сделаны именно в нашей стране.

Евгений Кринко: «Погода была очень скверная». Роль природного фактора в боевых действиях в Крыму (1941—1944 гг.) по воспоминаниям их участников*

Evgeny Krinko (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don): «The weather was very nasty». The impact of the nature and climate on the military operations in the Crimea (1941—1944) according to the memories of participants

DOI: 10.31857/S086956870015474-2

За последние два десятилетия вышло немало исследований⁶⁴ и документальных сборников⁶⁵ о боевых действиях в Крыму во время Великой Отече-

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-80043 и государственного задания Южного научного центра РАН, номер госрегистрации проекта АААА-А19119011190182-8.

⁶³ *Симонов К.М.* Солдатские мемуары... С. 301—302.

⁶⁴ *Абрамов В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006; Битва за Крым. 1941—1944 гг. / Сост. А.В. Исаев, Н.Н. Глухарёв, О.В. Романько, Д.Б. Хазанов. М., 2016; и др.

⁶⁵ Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Ред. Н. Аничкин. М., 2017; и др.